

Сюй Цичэнь открыл панель с эмодзи. Красное сердечко и смеющийся до слёз смайлик соседствовали в меню — видимо, из-за недавнего комментария на странице Бай И алая иконка красовалась на первом месте среди часто используемых. И надо же было ему так неловко промахнуться...

Звонок Ли Юнь раздался слишком уж вовремя, лишив его последней возможности подчистить комментарий. Если удалить его сейчас, фанаты тут же смешают с грязью.

Сюй Цичэнь не решался развернуть ветку ответов под своей оплошностью: он почти физически ощущал лавину нежно-розовых фанатских восторгов, накрывшую то одинокое алое сердечко.

Сделав вид, что ничего не произошло, он с головой укрылся одеялом.

Перед глазами снова возник полупрозрачный интерфейс с наградой за выполненное задание. На экране светилась цифра «800». Сюй Цичэнь мысленно нажал «Получить» и с чистой совестью погрузился в сон.

Режиссёр Чэнь Аньпин славился высокой требовательностью к эффективности. На площадке он изматывал всех жёстким контролем, но делал это с полной отдачей. Чтобы добиться безупречного соответствия образам, он нанял для Сюй Цичэня местного репетитора: французская речь героя должна была звучать с идеальным, естественным произношением.

Чэнь Аньпин терпеть не мог сглаживающие фильтры и неестественно сочные цвета, заполонившие современный кинематограф. В этой дешёвой ретуши не оставалось ни грамма настоящей кинематографической текстуры.

Стремясь к абсолютной достоверности, режиссёр потребовал, чтобы Линь Жань и Цзи Мэнцзэ снимались абсолютно без грима. Мало того, что им не нанесли ни капли косметики, так гримёр ещё и нарисовал на переносице Цзи Мэнцзэ едва заметные веснушки.

Логика Чэнь Аньпина была проста: парень слишком белокож и ухожен, для правдоподобия образу не помешает лёгкий грубоватый штрих.

Впрочем, пара рыжеватых крапинок и впрямь превратила его в юного восемнадцатилетнего юношу.

Режиссёр устроился за монитором и посмотрел на Сюй Цичэня, придерживавшего велосипед.

— Можно начинать.

— «Нанькэ», сцена шестая, дубль второй! Поехали!

Раздался щелчок хлопушки.

Сюй Цичэнь мгновенно, за долю секунды, перевоплотился в Юй Нина.

Под палящим солнцем, одетый в белую футболку и шорты, Юй Нин стоял с велосипедом в пяти метрах от дверей кофейни.

Тяжёлая дверь распахнулась, и на улицу вышел Нанькэ с двумя стаканами ледяного мокко. Он поглядел на Юй Нина и тепло улыбнулся:

— Что же ты на солнцепёке стоишь, а не в тени? Щёки совсем пылают.

Юй Нин смущённо опустил взгляд и пнул носком кеда мелкий камушек:

— А... да я как-то заболтался...

Внезапно к его щеке прикоснулось что-то ледяное. Юй Нин вздрогнул от неожиданности и тут же понял, что Нанькэ просто решил подшутить, приложив к его лицу запотевший стакан с кофе.

— Пей скорее, а то растает. Целое утро на ногах, хоть передохнуть немного.

Юй Нин принял стакан. Нанькэ подошёл к росшему неподалёку платану и опустился на траву прямо у ствола. Припарковав велосипед, Юй Нин устроился рядом, выдержав аккуратную дистанцию в пятнадцать сантиметров.

Нанькэ прикусил трубочку и откинулся назад, опираясь спиной о шероховатую кору. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь густую крону, ажурными бликами скользил по его профилю. Юй Нин заворожённо замер, заглядевшись на него, и вдруг услышал тихий голос:

— Как же хорош летом день.

Юй Нин сделал глоток. Сквозь кофеиновую горчинку проступила лёгкая сладость, и прохладная волна медленно разлилась внутри, освежая всё тело.

— Когда видишь такое синее небо и щедрое солнце, кажется, будто любые беды — такая мелочь.

Юй Нин тихо угукнул, и на его губах скользнула едва заметная, робкая улыбка.

— Юй Нин.

Услышав своё имя, юноша вскинул глаза:

— А?

Нанькэ неожиданно подался вперёд.

Сердце Юй Нина заколотилось всё чаще, отсчитывая стремительно сокращающиеся сантиметры.

Пять сантиметров.

Три.

Один...

— Апчхи!

В самый последний момент Сюй Цичэнь отвернулся и громко чихнул.

Чэнь Аньпин тут же рявкнул в рупор:

— Стоп!

— Простите, простите пожалуйста! — Сюй Цичэнь подскочил и закланялся съёмочной группе.

— Виноват, честное слово, не удержался!

Режиссёр махнул рукой:

— Быстро приведите себя в порядок.

Линь Жань, так и сидевший под деревом, хмыкнул:

— Эй, а передо мной извиниться не хочешь?

Сюй Цичэнь повернулся к нему с предельно серьёзным видом:

— Извини, пожалуйста. Кажется, пух с платана попал в нос... Ужасно зашекотало, я долго

пытался сдержаться.

Видя его абсолютно искреннее выражение лица, Линь Жань из последних сил сдержал смех.

— Всё, директор, мы готовы.

Чэнь Аньпин кивнул:

— Вернитесь в прежнюю позу. Дистанция та же.

Они снова сблизились так, что почти касались друг друга кончиками носов, и замерли в ожидании хлопушки.

— «Нанькэ», сцена четвёртая, дубль третий! Поехали!

Между их лицами оставалось меньше сантиметра.

Юй Нин в панике зажмурился.

— Попался.

То, чего он одновременно ждал и боялся, так и не случилось.

— Ты чего глаза закрыл? Устал, что ли?

Юй Нин разомкнул веки и увидел, что Нанькэ отвёл руку за его спину: между длинными пальцами отчаянно шевелил усами довольно упитанный жук-усач.

Так он просто ловил насекомое!

Юй Нин неловко улыбнулся:

— Да так... есть немного.

Нанькэ ласково взъерошил его волосы:

— Оно и понятно, на такой жаре размаривает. Я тут неподалёку квартиру снимаю, если хочешь, пойдём передохнёшь.

При слове «квартира» Юй Нин смущённо отвёл взгляд:

— Не... не надо. Мне ещё поплавать сходить хотелось.

— Я бы тоже не отказался, да работа ждёт, — Нанькэ слегка подтолкнул его плечом. — Через пару дней у меня выходной, съездим вместе на Залив Ангелов?

Юй Нин почесал затылок, что-то неопределённо пробормотал и, резко вскочив, бросился к своему велосипеду.

— Уже уходишь? До завтра!

— Угу...

И он умчался прочь так быстро, будто за ним кто-то гнался.

— Стоп! Снято! — Чэнь Аньпин поднялся из-за монитора. — Отличный дубль. Юй Нин, иди переодевайся.

Сюй Цичэнь, сделавший круг на велосипеде, затормозил:

— Понял!

На площадке было не так много народу, но все присутствовавшие выглядели искренне удивлёнными. Поначалу, когда режиссёр утвердил на роль Цзи Мэнцзэ, съёмочная группа тайком роптала: капризный и бездарный айдол казался настоящим наказанием. Все ждали бесконечных пересъёмок и испорченных дублей.

Кто бы мог подумать, что парень окажется столь трудолюбивым? В Ницце стояла тридцатисемиградусная жара, а Цзи Мэнцзэ целыми днями вкалывал под палящими лучами, пока с рук буквально не начала слезать кожа. Ни единой жалобы! И к тому же играл вполне естественно, с минимумом брака.

— Тебе не кажется, что Цзи Мэнцзэ в жизни точь-в-точь как Юй Нин? Играет будто самого себя.

— Немудрено, что Чэнь Аньпин выбрал именно его. Тут и наигрыша почти нет, вылитый персонаж.

— Вот-вот! И характер замечательный: в перерыве принесла ему воды, так он раз десять спасибо сказал, такой вежливый, милый... Я прямо влюбилась!

Переодеваясь в гримёрке и случайно услышав эти шепотки, Сюй Цичэнь почувствовал лёгкий укол радости. Было приятно осознавать, что его стараниями запятнанный имидж Цзи Мэнцзэ постепенно начинает обеляться.

Съёмочный процесс продвигался быстрее, чем он рассчитывал, — во многом благодаря слаженной работе команды.

Однако главным источником уверенности для него стала игра в дуэте с Линь Жанем. Этот парень вне кадра мог вести себя странно и непредсказуемо, но стоит включиться камере — и он моментально преображался, выкладываясь на полную. Он вытягивал партнёра, направлял его, а в паузах помогал разбирать сцены и ловить нужную эмоцию.

К концу дня Сюй Цичэнь совсем выдохся. Длительное пребывание на солнце обессилело его, а непривычная европейская кухня на ужин окончательно испортила аппетит. Заставив себя проглотить пару крошечных кусочков, он отправился на ночные съёмки.

— «Нанькэ», сцена двенадцатая, дубль четвёртый! Поехали!

Юй Нин мчался на велосипеде по вечерним улицам, едва сдерживая охватившую его ярость и тревогу.

Сгущались сумерки. Не зная, куда деться, он бесцельно колесил по городу и сам не заметил, как ноги привели его к дому Нанькэ.

На самом деле Юй Нин давно знал этот адрес. Он не раз тайком пробирался за Нанькэ после его смены, держась на уважительном расстоянии в пол-улицы и провожая его взглядом.

Но прямо к подъезду он подошёл впервые.

После жестокой ссоры с приёмными родителями он сбежал из дома, с ужасом осознав, что идти ему абсолютно некуда.

Бросив велосипед у обочины, Юй Нин опустился на каменные ступеньки перед входом.

«Уже поздно... Вряд ли он снова выйдет на улицу».

Он сидел и тихо шептал сам с собой.

Сколько прошло времени, он не знал, как вдруг неподалёку раздались шаги и голоса.

— Нанькэ?..

Спрятаться он не успел: высокая фигура уже шагнула под арку подъезда. Юй Нин резко дёрнулся вверх, пытаясь убраться с глаз долой, но голову пронзила острая вспышка тошнотворной боли, и перед глазами всё потемнело.

Сюй Цичэнь приготовился к жёсткому удару о камень — плохая штука, да и грим испортится, потом кадры не состыкуешь.

Но мысль осталась лишь мыслью: вместо холодной плитки он упал в чьи-то тёплые, надежные объятия.

— Эй, ты как?

Голос прозвучал мягко, словно июньский морской бриз.

— Юй Нин? Откуда ты здесь? Тебе плохо?

«А... Это Нанькэ. Не Линь Жань».

Прижавшись лбом к горячей груди собеседника, он попытался поднять голову, но силы окончательно покинули его. Даже голос прозвучал едва слышным, слабым шелестом:

— Что-то... совсем сил нет...

«Сцена давно пошла не по плану, почему режиссёр до сих пор не останавливает съёмку?..»

Свободной рукой Нанькэ крепче обнял Юй Нина за плечи, давая ему опору, а другой полез в карман.

Спустя мгновение к губам Сюй Цичэня прикоснулось что-то твёрдое. Чужая рука настойчиво и проворно протолкнула этот предмет сквозь сомкнутые зубы, и во рту постепенно развернулась густая, нарастающая сладость.

Конфета.

— Выглядишь паршиво. Пойдём ко мне, приляжешь.

Ноги Юй Нина подкашивались, каждый шаг давался так, будто он брёл по зыбучим пескам. Ему оставалось лишь полностью довериться Нанькэ, повиснув на его плече.

Всего три пролёта обычного подъезда, а казалось, будто они поднимались целую вечность.

И только когда за ними захлопнулась дверь квартиры, Чэнь Аньпин наконец скомандовал:

— Стоп! Снято! Отличный дубль, этот вариант берём. Квартиру я осмотрел, завтра нужно немного переставить реквизит, так что на сегодня всё. Всем спасибо, все свободны!

Леденец во рту почти полностью растаял, и к Сюй Цичэню вернулись силы. Едва раздался выкрик режиссёра, он тут же отстранился от Линь Жаня и прислонился спиной к стене, тяжело дыша.

— Ты в порядке?

Сюй Цичэнь молча кивнул.

— Давай помогу спуститься.

— Не нужно, я сам.

Держась за перила и с трудом преодолевая слабость, Сюй Цичэнь спускался по лестнице и никак не мог понять: откуда в кармане у Линь Жаня взялась конфета?

Чэнь Аньпин подошёл к ним от монитора. Заметив его, Сюй Цичэнь сразу заговорил с виноватым видом:

— Извините, режиссёр Чэнь. Мне правда стало немного не по себе.

— Да я заметил. Но эта импровизация вышла куда живее и убедительнее, чем всё, что было прописано в сценарии. Чуть-чуть подправим диалог, и будет идеально, — Чэнь Аньпин похлопал его по плечу. — Ты сегодня отработал на износ. Возвращайся в отель и отсыпайся. И хилый же у тебя организм, парень, надо бы заняться спортом!

Сюй Цичэнь послушно кивнул. Подбежавшая ассистентка Чжан Сяосяо попыталась подхватить его под локоть, но он мягко остановил её:

— Всё уже лучше, Сяосяо. Купи мне, пожалуйста, какой-нибудь еды в отель и можешь отдыхать.

Вернувшись в свой номер, Сюй Цичэнь вспомнил недавние минуты на съёмочной площадке, и от этих воспоминаний щекам снова стало жарко. Он не удержался и достал телефон, открыв Вэйбо, чтобы ещё раз взглянуть на снимок, опубликованный Линь Жанем.

К несчастью, любопытство сыграло с ним злую шутку: взгляд невольно зацепился за блок

горячих трендов.

Верхнюю строчку поиска снова занимало имя Цзи Мэнцзэ, но на этот раз соседний хештег выглядел по-настоящему пугающе:

[Цзи Мэнцзэ и Шэн Хуафэн]

Это не предвещало совершенно ничего хорошего.

<http://bllate.org/book/20431/2131239>